

В медитации чем дольше можно поддерживать эйфорическое состояние сознательной пустоты, тем больше пользы. Естественно, чем дольше они ощущают Ци мира, тем выше становится их понимание ее, независимо от того, насколько медленным был процесс.

Сбор Ци был ни чем иным как подготовительной стадией. Говорят, что при достаточным таланте и близости можно пройти через это всего за один день. Это было ни чем иным, как базовым восприятием, манипуляцией и поглощением Ци без всякой утонченности.

Несмотря на это, такой высокий уровень таланта и понимания наблюдался только раз в сто лет. Из тысячи смертных только один мог развить свой божественный смысл. Из тысячи людей, обладающих божественным смыслом, только десять могли впитывать Ци, направлять ее к своему дянтяню и иметь возможность начать Закалку тела.

На этот раз Амону удалось оставаться в состоянии медитации несколько часов. Когда он очнулся, солнце садилось, и небо потемнело. Дэниел давно ушел.

Он разогрел ранее приготовленную им кашу и немного поел, так как обед он пропустил. Потом взял еще немного каши для своей мамы на ужин.

Когда он вошел в ее комнату, она смотрела в окно, погруженная в раздумья. Амон тихо оставил миску с едой рядом с кроватью и снова вышел. Он знал, что когда его мать в таком состоянии, значит она предается воспоминаниям, и поэтому он решил, что лучше оставить ее наедине со своими воспоминаниями.

Неделя прошла спокойно.

Амону и на этот раз не удавалось управлять ни одной струной Ци, впрочем как и во всех других попытках, которые он предпринял за последние годы. Он снова не поехал на Северный вокзал, но по утрам все еще совершал несколько прогулок по всему району.

Когда солнце взошло в день Очистки, Дэниел снова пришел к ним в дом. Он направился в комнату Ребекки и достал из одежды небольшой кожаный мешочек. Амон собирал в своей комнате запасную одежду.

«Вот, тетушка. В этом Бездонном мешочке Вы найдете достаточно хлеба, сыра, сушеного мяса и воды на неделю».

Ребекка осторожно приняла мешочек, глядя на него с забавным выражением.

«Сколько времени прошло с тех пор, как я держала один из таких. Я никогда не могла привыкнуть к странному чувству, возникающему всякий раз, когда засовываешь в него руку. Это похоже на то, как будто ты погружаешься в воду, но не промокаешь. Зато мурашки по коже бегают».

Сказав это, она весело рассмеялась. Дэниел тоже не удержался от улыбки. Затем она перестала смеяться, и выражение ее лица стало серьезным.

«Дэниел, будьте очень осторожны в этой Очистке!».

Ее взгляд застыл.

«Что-то случилось?», спросил он удивленно.

«Нет ... по крайней мере, я думаю, что нет. Это просто придирчивое чувство. Тем не менее, это Разреженный лес, будьте начеку».

На мгновение показалось, что она вошла в оцепенение, смутившись, почему она так себя чувствует.

«Я обещаю, тетя, что буду осторожен и буду беречь Амона».

Она улыбнулась, услышав это.

«Спасибо!»

Когда она благодарила его, в комнату вошел Амон.

«Хорошо, я пойду. До свидания, тетя! Увидимся через несколько дней».

Дэниел встал и ушел. Со странным выражением на его лице.

На плече у Амона висел маленький льняной рюкзак, наполненный одеждой. Его черные волосы отдавали странным блеском, как будто-то сейчас они засияют. Прошло более недели с тех пор, как он в последний раз использовал черные орехи, и вскоре краситель потеряет действие.

Ребекка раскрыла руки, зазывая его в свои объятия, обняла его и взъерошила его волосы, как она любит это делать.

«Ты должен быть осторожным, хорошо?»

Она прошептала ему на ухо, ее голос был полный беспокойства.

«Я буду осторожным, мам».

«Слушайся Дэниела, и если что-то случится, пообещай мне, что ты побежишь».

«Я...»

«Обещай мне!»

«Я обещаю, я побегу».

Амон начал чувствовать себя неуверенно. О чем идет речь?

«Хорошо, можешь идти. Увидимся через несколько дней».

Она еще крепче обняла его и поцеловала его в лоб. Амон поцеловал ее в щеку, прежде чем выйти из ее комнаты. Ребекка устала на его спину, когда он выходил из дома с Дэниелом.

В груди клубилось странное чувство. Было ли это беспокойство? Страх?

У нее было сильное чувство предчувствия. Она потянулась за чем-то внутри простыней и достала небольшое ожерелье с зеленым драгоценным камнем, прикрепленным к нему. Станный синий свет, казалось, плавал внутри него, не прекращая мерцать.

Она всегда чувствовала небольшое облегчение, когда держала его в руках. Это был последний из подарков, которые когда-либо ей дарил муж, и единственный, который ей удалось вывезти

из своего старого дома, кроме Ворона. Об этом не знал даже Амон. Она не могла сказать, почему она никогда не показывала ожерелье ему, но подумав, поняла, что, скорее всего, причина в том, что это только причинит ему боль.

Она посмотрела на небо, которое потихоньку светилось через ее окно, когда она прижимала ожерелье к груди. Неделю назад она избавляла от тревог Амона. Она думала, что это все из-за того, что он обвиняет себя в ситуации, к которой он, очевидно, не имел никакого отношения, но теперь она чувствовала себя странно, когда вспоминала его слова.

А что если в нем говорила не только вина? Даже она не знала, что Ллойд сделал с ее сыном в тот день.

Может, она допустила ошибку? Она еще сильнее сжала ожерелье, надеясь, что она ошибается.

Амон и Дэниел несколько часов шли пешком, чтобы добраться до границ Разреженного леса. Там стояли сторожевые башни из черного камня, расположенные через каждые несколько миль в пределах леса, и на них всегда был кто-то, стоящий на страже. Толстая стена, сделанная из того же черного камня, соединяет все сторожевые башни, полностью отделяя жилые земли от леса.

Крайне редки случаи, когда сверхъестественные твари могли вторгнуться на территорию секты, но случись такое, у людей Внешней секты не было ни одного шанса сразиться с ними. Кроме того, даже если такие случаи не были зафиксированы, могла начаться массовая паника без предупреждения, поэтому Секта Бездны всегда поддерживала строгие меры безопасности рядом с лесом.

Когда Амон и Дэниел подошли к золотым воротам в стене, они увидели, что там собралось множество людей. Там даже было несколько детей. Они были разделены на ряды для подтверждения их предварительных заявок на Очистку. Было по меньшей мере двадцать рядов, и каждый проверялся Старшим.

Амон и Дэниел выбрали ряд, и вскоре наступила их очередь. Так как Дэниел подал заявку на себя и Амона, он показал Старшему две деревянные дощечки с их именами. Старший взглянул на дощечки, и только после того, как он подтвердил их заявку, он разрешил им обоим встать сбоку.

Вскоре после этого перед золотыми воротами вышел мужчина средних лет. На нем была огненно-красная одежда Старшего, а его черные волосы были сплошь продернуты седыми прядями. Легким ударом об землю его тело подскочило, создавая порыв ветра, дунувший в лица нескольких десятков человек рядом с ним. Он спланировал на верхушку стены и начал говорить. Каким-то образом его голос, казалось, звучал прямо в ушах всех слушающих.

«Доброе утро! Как вы все знаете, сегодня мы откроем Разрушенную секту для Очистки.

Его голос был спокойным и безмятежным, его тон был ровным.

«Как вы, наверное, знаете, все двадцать Старших будут патрулировать лес в течение следующих четырех дней и помогать каждому, кто окажется в опасности. Тем не менее, лес большой, а Старших мало. Ваша жизнь в конечном счете в ваших руках».

«Для родителей, которые привезли своих детей, я не рекомендую находиться на расстоянии

более мили от ворот. Жизнь ваших детей – ваша ответственность, и Секта Бездны не будет отвечать за их смерть, если вы проигнорируете это предупреждение».

Амон мог видеть, как не одна мать придвинула своего ребенка поближе к себе. Это напомнило ему о событиях пятилетней давности.

«Эта Очистка будет продолжаться четыре дня. Вы можете вернуться в любое время с настоящего момента и до крайнего срока. Если, однако, вы опоздаете, будет наложен штраф за нарушение границ Разреженного леса, так как Очистка уже будет завершена, и предоставленное разрешение будет аннулировано.

Затем Старший распахнул руки и повысил голос.

«Объявляю Очистку официально открытой!»

Громадные золотые ворота медленно открылись, и вскоре через них потекла толпа.

Повсюду в толпе толкали и дергали. Дэниел схватил Амона за воротник и каким-то образом сумел вытащить его за ворота.

Как только они вышли, Дэниел указал на восток.

«Давай, нам нужно поспешить!», кричал он, все еще таща за собой Амона.

Они бежали несколько минут. Дэниел, казалось, передвигался прыжками, а не бежал, но Амон старался изо всех сил бежать быстро. Они едва покрыли милю, а Амон уже задыхался и вспотел.

«Хорошо, думаю, этого должно быть достаточно. Мы можем немного замедлиться».

Амон не мог разговаривать, поскольку у него перехватило дыхание, но он слегка кивнул.

«Мы находимся в двадцати милях от Красной реки. Нам необходимо добраться туда до наступления темноты, если ты еще можешь держать темп».

«Я... уфф... хорошо, просто... дай мне секунду».

Амону с трудом удавалось говорить.

Он сел на землю и медленно отрегулировал свое дыхание. Они все еще были недалеко от стены, но он уже видел лес рядом.

Деревья были десятки метров в высоту, с темно-зелеными листьями их крон. Их ветви переплетались, блокируя солнечный свет. Их искривленные темные стволы были толщиной не менее четырех метров. Деревьям должно быть сотни лет, если не тысячи.

Амон ничего не мог разглядеть дальше нескольких метров в лесу. Там было невероятно темно, словно стена теней блокировала его взгляд. Глядя на это, его охватил озноб.

Внезапно он почувствовал давление в сердце, как будто оно было тяжелым. Ему стало трудно дышать, и он побледнел.

Дэниел понял это и ударил его по спине, выведя его из этого состояния.

<http://tl.rulate.ru/book/15179/335024>